

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО МОСКВЫ РУБЕЖА XIX - XX ВЕКОВ И МОРОЗОВЫ

Цель данной работы состоит в том, чтобы выявить те тенденции в жизни старообрядческого общества Москвы рубежа XIX и XX веков, которые были для него наиболее характерными и одновременно попытаться определить роль, которую играли в этих процессах старообрядцы Морозовы. *Рубеж веков для развития старообрядческого общества России явился во многом определяющим, он стал как бы стартовой площадкой для нового этапа, открывшегося знаменитым Манифестом 1905 г. Этот период, продлившийся очень недолго, - с 1905 года до революционных событий, перевернувших ход истории Российского государства, - все больше привлекает внимание историков. Действительно, по насыщенности событиями, яркости и оригинальности памятников, появившихся в это время, активности общественной и политической жизни, равных ему нет, наверное, во всей многовековой истории старообрядчества.* В то же время предшествующий период остается в тени, кропотливая и доскональная работа, которая велась в то время, не была наполнена яркими и впечатляющими событиями. Но нельзя забывать о том, что взлет, расцвет старообрядческого общества после 1905 года был подготовлен именно в те годы. Если определить хронологические рамки периода, о котором идет речь, то следует выделить 1883 год, ставший определенной вехой в истории старообрядчества: после многолетней подготовки было принято Постановление о наделении старообрядцев некоторыми правами в гражданской и религиозной жизни, что и позволило им более активно выступать в общественной и политической жизни страны. Завершается период, как уже упоминалось, в 1905 г. принятием Манифеста об основах веротерпимости.

В целом для старообрядчества конец прошлого века стал временем во многом переломным и определяющим. Два с половиной века борьбы за выживание, а затем за гражданские и религиозные права не прошли даром. *Старообрядчество этого периода - хорошо организовано, имеет достаточно мощную материальную поддержку, сильно идеологически и оказывает влияние на экономическую, духовную и политическую жизнь страны.* Во всех этих процессах роль Морозовых была немаловажной. Являясь одной из самых крупных и авторитетных старообрядческих семей России, они не могли не оказывать влияния на развитие старообрядческого общества. При этом нельзя не учитывать и такую черту, как принадлежность разросшегося рода Морозовых как поповскому, так и беспоповскому согласиям, главным направлениям старообрядчества в России.

Старообрядцем поповского согласия был Савва Васильевич Морозов (1770-1860), основатель рода. Из шести его детей пятеро остались приверженцами Рогожского кладбища, а сын Елисей Саввич (1798-1868) перешел в беспоповское согласие. В третьем поколении Морозовых дети

Елисея Саввича уже, видимо, традиционно придерживались беспоповского направления в староверии, остальные - поповского. В этом же поколении появляются и единоверцы: Абрам Абрамович и Давид Абрамович, а также Алевтина Тимофеевна и Александра Тимофеевна Морозовы.

Вполне возможно, что этот факт принадлежности Морозовых разным направлениям староверия способствовал развитию более терпимого отношения двух направлений друг к другу, что в конечном итоге служило, может быть и подспудно, к их сближению.

Москва, хотя и не являлась столицей империи в то время, но занимала особое положение: здесь как в зеркале отражались и концентрировались все, происходящие в стране процессы. Статус второй столицы Москва удерживала всегда. Для староверов значение этого города возрастало еще и потому, что именно здесь находились центры главных согласий: Рогожское и Преображенское кладбища, которые управляли жизнью всего старообрядчества в России. Авторитет этих центров никогда не подвергался сомнению, а потому и староверам московским выпала особая роль - стоять во главе старообрядческого общества, разрешать проблемы, конфликты, способствовать развитию староверия.

Первое, на чем хотелось бы остановиться, характеризуя старообрядческое общество Москвы указанного периода, - это рост самосознания его членов, следствием чего стали более активные действия, основанные на уверенности своего положения. Стали возможными те действия и поступки, которые в предшествующее время были недопустимы. При этом Манифест об основах веротерпимости, изменивший статус староверия в России, будет принят только в 1905 г., но задолго до этого времени деятельность приверженцев этой конфессии становилась более чем активной.

В качестве иллюстрации можно провести сравнительный анализ двух документов из фонда Рогожского кладбища, находящегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Это докладные записки московских старообрядцев, приемлющих священство, поданные министру внутренних дел. Одна из них датируется 19 мая 1876 г.¹, другая - 9 февраля 1883 г.² По сути эти документы идентичны: они представляют собою реакцию староверов на "Высочайшие предначертания Особого временного комитета о раскольниках", утвержденные 16 августа 1875 г. Документы идентичны настолько, что совпадают пункты выдвигаемых требований. Это, во-первых, отказ признать себя причисленными к разряду "менее вредных сект". Более справедливым они считали или составить особое общество среди "менее вредных сект", или отнести себя к разряду безвредных. Во-вторых, в отношении разрешенных правительством школ грамотности для старообрядцев было требование приравнять их к "народным" училищам, а не ограничивать программу изучением азбуки и четырех арифметических действий. Несколько вопросов касались организации церковной жизни: ношение икон, церковного облачения, снятие крестов с молелен и т.д.

Общим был также пункт относительно отмены необходимости согласовывать распечатывание молитвенных домов с Епархиальным начальством, которое, естественно, будет всячески препятствовать развитию церковной жизни староверов. Взамен предлагалось подчинить

решение данного вопроса исключительно компетенции гражданских властей. Однако при всей схожести записок их различает общий тон и манера изложения требований. Вернее сказать, о требованиях можно говорить лишь во втором случае. В первом - это ходатайства, прошения. Вот как звучит вопрос о переходе решения вопроса об открытии молелен под юрисдикцию гражданских властей в 1876 г.: "...старообрядцы считают необходимым и справедливым вопрос о распечатании молитвенных храмов поставить вне зависимости от местного Епархиального начальства, предоставив сие решение исключительно гражданской власти в лице Министра внутренних дел".

В 1883 г. требование осталось то же, но характер его изложения изменился: "Мы ходатайствуем перед Высшим Правительством о том, чтобы нам было даровано такое же право закона, как и всем русским подданным, и чтобы управление нашими делами всецело принадлежало гражданской власти, как и управление делами иноверных исповеданий под общим руководством Министра Внутренних Дел. Если же православное духовенство по-прежнему останется судьей в собственном деле, то еще более усложнится и усилятся взаимные пререкания и еще более ужесточится вражда между православным духовенством и старообрядчеством, считающим в среде своей много миллионов самых верных коренных сынов России".

Характерно и происхождение записок. В 1876 г. она не только не была принята, но, по требованию министра внутренних дел московским генерал-губернатором князем Долгоруковым было проведено расследование, каким образом московские старообрядцы узнали о существовании документов, находящихся на рассмотрении в МВД и не подлежащих обсуждению. В 1883 г. записка была подана совершенно официально.

Таким образом, два документа, схожие по сути, но имеющие разницу во времени в семь лет - явное свидетельство выросшего самосознания староверов, их ставшей более активной жизненной позицией, что позволяло им требовать от правительственных органов выполнения своих прав, хотя до принятия Манифеста оставалось еще несколько лет.

Активная позиция старообрядчества в борьбе за свои права была обусловлена также их стабильным материальным положением, что позволяло им оказывать благотворительную помощь как своим братьям по вере, так и всем нуждающимся. О благотворительности и меценатстве, в том числе в среде старообрядчества, написано немало. Эта тема становится сейчас особенно актуальной, в свете тех событий и процессов, которые происходят в России. Ученые ищут истоки этого явления, причины столь бурного расцвета его в отечественной истории. О благотворительности семьи Морозовых говорилось очень много и подробно на Первых Морозовских чтениях, было выявлено много новых интересных фактов, осознавались закономерности этого явления.

Мне бы хотелось остановиться на тех направлениях данной деятельности, которые не связаны со значительными акциями или памятниками, но вписываются в рамки старообрядческого миропонимания и тем самым приобретают особую важность для формирования наших

представлений как о старообрядческом обществе, так и о роли в этом процессе семьи Морозовых.

Богаделенный дом Рогожского кладбища оказывал помощь деньгами (проценты с неприкосновенного капитала), церковным облачением, продуктами более бедным провинциальным священникам, монастырям, епископам³. Помощь оказывалась регулярно, по заведенной системе, но если возникала необходимость, архиепископ московский направлял послание попечителям, называя необходимую сумму и обосновывая ее. Решение о ежегодном вспомоществовании принимал Московский Духовный Совет.

Например, 11 марта 1893 г. Московский Духовный Совет составил список помощи для 37 человек, скитов, монастырей на общую сумму 5400 рублей, что представляет собою значительный капитал⁴. При этом количество людей, которым оказывалась помощь и выделяемая сумма, ежегодно увеличивались.

Процесс благотворительности носил двусторонний характер и, оказывая материальную помощь, казна Богаделенного дома, в свою очередь, пополнялась средствами для увеличения неприкосновенного капитала, проценты от которого и обеспечивали данный аспект деятельности. К примеру, московский мещанин Михаил Дмитриевич Мартынов в 1896 г. пожертвовал 1000 рублей серебром⁵.

Не остались в стороне и представители рода Морозовых. В сентябре 1899 г. Мария Федоровна Морозова обратилась к господам попечителям с просьбой предоставить в неприкосновенный капитал для вспомоществования беднейшим старообрядческим священникам 15000 рублей серебром⁶.

Имя Марии Федоровны, жены Тимофея Саввича Морозова, старообрядки поповского согласия, в Москве было широко известно, как благотворительницы, на пожертвования которой были построены многочисленные общественные и культовые здания, в том числе такие значительные, как колокольня на Рогожском кладбище, лаборатории МВТУ, ночлежный дом на Пресне и другие⁷.

Вопрос о благотворительной деятельности очень важный для понимания сути старообрядчества, развития мировоззрения его членов. Эта деятельность очень многопланова, она находит самые разные проявления. Бывали случаи, когда посредством благотворительной акции, предоставлялась возможность решить и другие проблемы. К примеру, проявление верноподданнических чувств, что было немаловажно для укрепления положения старообрядческой общины.

Корни подобного рода деятельности лежат в сложившемся веками стереотипе отношения к староверию со стороны официальных кругов. Сформировавшийся в середине XVII в. раскол русской православной церкви повлек за собою резко негативное отношение со стороны светских властей по отношению к старообрядчеству. Вопрос о приверженцах данной конфессии, их деятельности и положении стал частью внутренней политики России. При этом характер этой политики с течением веков менялся от более или менее лояльной до открытых преследований и репрессий. Но постоянным оставалось отношение настороженности и предвзятости со

стороны правительственных кругов к староверам, ожидание противодействий, волнений и других проявлений нестабильности. Феномен этой стороны вопроса состоит в том, что *на протяжении всего периода существования старообрядчества, не было случая проявления каких-либо антиправительственных или антигосударственных настроений, напротив, в самые критические моменты истории Российского государства именно староверы были самыми преданными и патриотически настроенными гражданами.* Тем не менее стереотип отношения к ним продолжал устойчиво сохраняться, что вынуждало их доказывать свою преданность.

При этом следует обратить внимание на то, что, хотя проявление верноподданнических настроений было продиктовано чисто рациональными интересами, не вызывает сомнений тот факт, что делалось это исключительно искренне, подлинность чувств переживаемых староверами по поводу тех или иных событий очевидна. Подобная ситуация была характерна для всего старообрядческого общества. Старообрядцы Громовского кладбища Петербурга писали в телеграмме по поводу покушения на царя: "Государь, трудно высказать все те чувства, которыми переполнены думы и сердца каждого старообрядца, невозможно излить горечь известия о новом покушении дерзостного врага, позорящего честь и имя русского народа"⁸.

Старообрядцы Второго Донского округа откликнулись на эту трагедию следующим образом: "Как поднебесный раскат грома, разнеслась по общинному юрту нашей станицы ужасная весть о варварском покушении на жизнь Вашего Императорского Величества, случившемся второго сего Апреля, и мы, по случаю опечатания Полицейскою властью во всех хуторах наших молитвенных домов, собрались в открытом поле среди цветущих древесных кустарников со священниками своими, принесли теплые молитвы Всемогущему Богу за чудесное сохранение, поистине драгоценной для нас жизни Твоей, Великий Государь! Столетиями доказано, что унаследованное нами от предков старообрядческое Богослужение нисколько не изменило нашей преданности Престолу и Отечеству, и мы, оставаясь постоянно верными и неизменными слугами твоими, обожаемый Монарх, не преставали, как и ныне, приносить усердные молитвы наши Господу как о благоденствии Твоем и Твоего Августейшего семейства, Богом спасаемый Государь, так и за все придержащие власти"⁹.

Обращает на себя внимание и язык, которым староверы пишут свои послания: красочный, сочный с великолепными насыщенными оборотами. И при этом донские староверы не забывают как бы исподволь напомнить о своих проблемах: закрытые по указу властей молитвенные дома заставили их выйти для молебна в чистое поле.

Конечно, не остались в стороне и московские староверы. Выраженные ими чувства сострадания сочетались с вполне конкретными материальными вкладами. Так было в случае с неудавшейся попыткой строительства Александро-Мариининской больницы¹⁰. Эта акция планировалась "в память об избавлении царской семьи от смертельной опасности, для чего из общинных сумм Рогожского Богаделенного дома выделялось сто тысяч рублей серебром. Деньги предназначались на строительство каменной

больницы на сорок человек и написания иконы с изображением святых дня 17 октября и ангелов царской семьи. В силу определенных обстоятельств этот проект не был реализован: согласно существующему законодательству старообрядцы в это время не имели права строить на территории Рогожского кладбища каменные здания. В свою очередь они не приняли предложения поставить здание за его пределами, т.к. в общих больницах отношение к старообрядцам было недопустимое.

Однако принципиальная позиция, когда старообрядцы оказывали благотворительные акции только тем, кто придерживался их веры, была далеко не всегда. Например, в 1885 г. по поводу двадцатипятилетия генерал-губернаторства князя В.А. Долгорукого московские старообрядцы попковского согласия выделили три тысячи семьсот пятьдесят рублей серебром на предмет пособия "от Вашего имени на пятилетний курс, пятнадцати учащимся в Московском университете, самым беднейшим православного исповедания студентам за право слушания лекций в сем университете". Генерал-губернатор оценил эту акцию по достоинству¹¹. Хотя имя Морозовых в данном случае не упоминается, роль их в развитии Московского университета в это время была чрезвычайно велика, что, без сомнения, должно стать темой самостоятельного исследования. Известно, что жена Абрама Абрамовича Морозова Варвара Алексеевна была попечительницей Общества Вспомоществования нуждающимся студентам Московского технического училища и Московского университета¹². Членом этого же Общества был Иван Абрамович Морозов¹³. Анна Тимофеевна Морозова (в замужестве Карпова) учредила премию в Московском университете за лучшие исторические работы¹⁴. Александра Тимофеевна Морозова (в замужестве Назарова) являлась членом Общества пособия нуждающимся студентам Московского университета¹⁵.

Еще пять тысяч рублей старообрядцы этого согласия пожертвовали на строительство здания училища для детей сирот иноверцев Южной Руси. Училище это основывалось миссионером коллежским асессором Иваном Васильевичем Лопухиным в память священного коронования их императорских величеств¹⁶. Таким образом, благотворительные акции, осуществляемые в это время старообрядцами, носили широкий характер и выходили за рамки узко конфессионального содержания.

Сходная ситуация имела место и в 1891 г., когда по случаю двадцатипятилетия бракосочетания их императорских величеств московские старообрядцы не только посылают поздравления с выражением верноподданнических чувств, но и выделяют определенные суммы на очень благородные цели: Вспомогательное общество купеческих приказчиков пожертвовало семьсот рублей в пользу пострадавших от неурожая; при этом член Общества Морозова выделила еще три тысячи рублей на устройство дома с бесплатными квартирами для безместных членов общества¹⁷. Еще одно направление в деятельности старообрядческого общества, на котором хотелось бы остановиться, приобретет наибольшую актуальность после 1905 г., но подготовлено было всей предшествующей историей староверия. Речь идет о соотношении религиозно-церковной жизни старообрядчества и его общественной, культурной, политической деятельности. Вопрос о совместимости старообрядчества с современной

культурной жизнью рассматривался известным писателем, старообрядцем белокриницкого согласия Федором Ефимовичем Мельниковым в книге "Современные вопросы старообрядчеству". Главная проблема, ставшая предметом исследования: "Способно ли оно (староверие) развиваться в своей внутренней духовной жизни, причем в таком виде и направлении, чтобы это развитие шло в уровень века?"

Актуальность этого вопроса объяснялась тем, что после 1905 г. старообрядчество попадало в новые условия, когда оно, приобретя равные права со всеми гражданами России, получало возможность осуществлять свою деятельность совершенно открыто. Однако не все приверженцы староверия поддерживали подобного рода деятельность, считая, что их забота - исключительно церковная организация. Одновременно и в среде нестарообрядческой достаточно устойчиво бытовало мнение о том, что староверы - замкнуты, консервативны и неспособны к восприятию новых тенденций в жизни и культуре. Ф.Е. Мельников утверждал, что для "мрака и предрассудков современного православного общества" культурные старообрядцы опаснее, чем замкнутые и отсталые староверы. Говоря о "культурности", автор утверждает: "Именно при помощи этого орудия мы, старообрядцы, не только отвоюем себе свободу, но сделаемся даже источником и корнем свободы"[18](#).

К началу XX в. в старообрядческой среде уже существовала достаточно мощная прослойка людей, получивших хорошее образование, как гуманитарное, так и техническое, и занимающихся той деятельностью, которая приносила пользу государству и способствовала его расцвету. Это были ученые, инженеры, юристы, писатели. Были и такие старообрядцы, которые не имея возможности получить образование или не желая этого делать, осознавали значение развития культуры для староверческой среды и делали все для того, чтобы культура стала частью старообрядческого мировосприятия. Наряду с этим, именно они составляли костяк старообрядческого общества, превращая его в ту силу, которая имела свое место в российском обществе, и которую все еще продолжали бояться официальные власти и православная церковь.

Роль семьи Морозовых в этом процессе была чрезвычайно велика. Представители третьего поколения получают высшее образование: Сергей Тимофеевич заканчивает Лицей и юридический факультет Московского университета; Савва Тимофеевич - выпускник естественного отделения Московского университета, учился химии в Кембридже. Иван Викулович Морозов, старообрядец беспоповского согласия, закончил юридический факультет Московского университета, выпускником которого был и его брат Елисей, также беспоповец. Историко-филологический факультет Московского университета закончил Михаил Абрамович Морозов. Говоря о культурной среде российского старообрядчества, нельзя не вспомнить и такого авторитета всего староверческого мира, как Арсений Иванович Морозов. Деятельность его на ниве упрочения положения староверия в России была разнообразной и разноплановой, в том числе многое было сделано для развития культуры в старообрядческой среде. Им был создан знаменитый Морозовский хор, просуществовавший более тридцати лет, способствовавший не только сохранению традиционной

русской музыкальной культуры, но и ее дальнейшему развитию; посредством некоторой "модернизации" Арсений Иванович стремился приблизить духовную церковную музыку к возможностям восприятия людьми того времени. Большое значение имела эта деятельность для воспитания вкуса и пристрастия к духовной музыке у тогдашней молодежи. Благодаря стараниям А.И. Морозова еще в 1884 г. "Обществом любителей древней письменности" был издан шеститомный "Круг знаменного церковного пения", сборник знаменитых распевов, что без сомнения также способствовало развитию музыкальной культуры¹⁹. Можно вспомнить также о знаменитых коллекциях Арсения Ивановича: русская и западноевропейская живопись, иконы, декоративно-прикладное искусство; храмы, построенные по его инициативе на его средства. Один из аспектов проблемы формирования культурной среды старообрядчества и ее соотношения с уровнем существующей цивилизации был поставлен о. Сергеем Дурасовым: о роли деятельности Морозова в процессе "органичного вращивания древнеправославного духовного наследия в городскую техническую культуру 20-го века"²⁰. Совершенно справедливо автором была подчеркнута актуальность изучения данного направления деятельности А.И. Морозова для духовного возрождения не только старообрядческого мира, но и всей России. Трагическая судьба самого Арсения Ивановича после событий 1917 года, а также дела, которому он посвятил всю свою жизнь, приостановили развитие этого очень важного направления в отечественной истории и культуры.

Созданию культурной среды старообрядчества, без чего было бы невозможно дальнейшее его существование, посвятили свою жизнь такие деятели как Л.Ф. Пичугин, Н.Д. Зенин, Я.А. Богатенко и многие другие.

Таким образом, анализ ситуации, сложившейся в старообрядческой среде на рубеже XIX и XX вв. позволяет сделать вывод о том, что это общество представляло собою живой развивающийся организм, оно не было замкнутой консервативной организацией. Опираясь на тот опыт, который помог староверам выжить в предшествующие века, приверженцы этой конфессии достаточно уверенно вступали в новые условия. Получив в 1883 г. некоторые гражданские и религиозные права, а также выйдя из состояния полной секретности, которое было характерно для дел, связанных со старообрядчеством в прежнее время, они все более уверенно заявляли о себе во всех областях жизни тогдашнего общества. Период с 1883 до 1905 годов подготовил расцвет старообрядческого общества в России в начале XX века.

Московское старообрядческое общество, являясь одним из самых больших и влиятельных, задавало тон в развитии всех этих процессов. Трудно переоценить роль Морозовых в деле укрепления старообрядческого общества, его дальнейшего развития. Представители семьи Морозовых, занимаясь самой разнообразной деятельностью, как в плане профессиональном, так и на поприще религиозном, общественном и политическом, представляли собою своего рода феномен, оказывая влияние на развитие всех сторон старообрядческого общества от благотворительности до решения религиозно-общественных проблем.

- 1 ОР РГБ, ф. 246-3-4, лл. 240-247.
 - 2 ОР РГБ, ф. 246-3-4, лл. 308-321.
 - 3 ОР РГБ, ф. 246-7-5.
 - 4 ОР РГБ, ф. 246-7-5, л. 89.
 - 5 ОР РГБ, ф. 246-7-5, л. 52.
 - 6 ОР РГБ, ф. 246-7-5, л. 94.
 - 7 Морозовы. Династия фабрикантов и меценатов. Опыт родословия. Авторы-составители: Н. Филаткина и М. Дроздов. Богородск, 1995. С. 7.
 - 8 ОР РГБ, ф. 246-4-3, л. 23.
 - 9 ОР РГБ, ф. 246-4-3, л. 24.
 - 10 ОР РГБ, ф. 246-7-2, лл. 16-17.
 - 11 ОР РГБ, ф. 246-4-1, № 15.
 - 12 Морозовы. Династия фабрикантов и меценатов... С. 10.
 - 13 Там же. С. 24.
 - 14 Там же. С. 13.
 - 15 Там же.
 - 16 ОР РГБ, ф. 246-5-1, л. 97.
 - 17 ОР РГБ, ф. 246-4-3, л. 295.
 - 18 Мельников Ф.Е. Современные вопросы старообрядчеству. М., 1915, С. 14.
 - 19 См. Денисов Н.Г. "Культурно-историческое значение Морозовского хора" и о. Сергей Дурасов "Морозовы-старообрядцы" // Труды Первых Морозовских чтений. Ногинск (Богородск), 1996.
 - 20 Дурасов С., священник. Морозовы-старообрядцы // Труды Первых Морозовских чтений. Ногинск (Богородск), 1996, С. 183.
- А.В. Хвальковский
Российский совет Древлеправославной поморской церкви